

Мошик Ю.А.

«ВОСТОК В МИНИАТЮРЕ» ИЛИ ГЕОПОЭТИКА БАХЧИСАРАЯ В «КРЫМСКИХ СОНЕТАХ» АДАМА МИЦКЕВИЧА

«Крымские сонеты» польского поэта А.Мицкевича – самый первый и яркий поэтический цикл о Крыме. В свое время П.А. Вяземский как переводчик этих сонетов на русский язык говорил: «Каждое из замечательных мест сей живописной страны осветилось в стихах поэта. Можно назвать эти сонеты поэтическими путевыми записками» [1,с.64]. Мицкевич последовательно описывает Крым, называя свои сонеты топонимами полуострова: Аккерманские степи, Бахчисарай, Байдары, Чатырдаг, Алушта и так далее. Используя топонимы, мы определяем текст как местность. Художественный текст выступает как географическое единое, ландшафтное название пространства – и – времени.

Н.Эйдельман, следуя такому подходу к интерпретации текста, ввел новый термин – «геопоэтика».

Местность во многом определяет характер поэтического творения, и геопоэтика понимается как топонимия, как зависимость литературы от пространства.

В.Голованов в статье «Геопоэтика Кеннета Уайта» пишет: «геопоэтика – это особый метод письма, подобный путевому дневнику интеллектуала, или особый вид литературоведческих изысканий, сфокусированных на том, как пространство раскрывается в слове» [3, с.158].

Тема нашей статьи «Восток в миниатюре» или геопоэтика Бахчисарая в «Крымских сонетах» Адама Мицкевича.

Актуальность нашей темы определяется тем, что типы культур Востока и Запада неоднородны, и выявление этой разности может представлять для науки непосредственный интерес.

Предмет исследования – «Крымские сонеты» Адама Мицкевича.

Цель статьи – определить ментальное поле Бахчисарая на границе культурой (образной географии), истории и литературы.

Задачи работы:

- проследить биографию поэта, связанную с Крымом;
- описать феномен Бахчисарая в XIX веке;
- определить пространство взятое как поэтический образ.

Исследователи творчества Мицкевича уделяли известное внимание осмыслению «Крымских сонетов». Н.В. Измайлов в статье «Мицкевич в стихах Пушкина» удачно определил главную особенность сонетов -ориентализм. «Для поэтов-романтиков 1820-х г., начиная с Пушкина, Крым был русским Востоком – точнее, преддверием Востока, где русская культура, внесенная лишь к концу XVIII в., сталкивалась со старой татарской мусульманской культурой, столетиями развивавшейся под господствующим влиянием культуры Ирана, проникшей через Кавказ» [4, с.152].

О.И. Федотов в статье «Пилигримы у Чатырдага» затрагивает символическую параллель Восток-Запад: «...Чатырдаг, в ряду других образных воплощений, воспринимается как стена, преграждающая путь каравану звезд дорожку на запад. Поэтическая и одновременно политическая доминанта художественного мира Мицкевича простирается по оси Запад (Родина, от которой насильно оторван лирический герой) - Восток (чужбина, место изгнания)» [12, с.67].

Литературоведческий анализ сонетов широко представлен в работах

М.Рыльского, М.С. Живова, Р.Б. Заборова, И. Копташева, М. Дерналович и др.

Д. Благой, С.П. Коганович, А.В. Кушаков сравнивали творчество

Мицкевича с Пушкиным.

Историческую точность восстанавливает статья Х.С. Шапшала, в которой представлен анализ письма Жевуского. Общепринято в польском литературоведении, что А. Мицкевич был в Крыму с 17 августа по 15 или 16 октября 1825 г., тогда как «из письма Жевуского видно, что 29 июня 1825 г. Мицкевич был уже в Симферополе в 60 км от Евпатории. Таким образом, само прибытие в Крым, т.е. в Евпаторию, согласно предыдущему отрывку письма, приходится на 27 июня, а не на август» [14, с.172].

Статья может представлять краеведческий, литературоведческий и культурологический интерес.

Итак, летом 1825 года польский поэт Адам Мицкевич посетил Крым.

Об этом событии писал А.С. Пушкин в «Евгении Онегине».

Там пел Мицкевич вдохновенный

И, посреди прибрежных скал,

Свою Литву воспоминал.

Мицкевич был изгнан из отчизны и занесен к берегам Черного моря суровыми вихрями истории.

Воспитанник Вильнюсского университета, он вступил в тайное польское общество молодежи, которое в своей программе провозглашало стремление к освобождению и объединению Польши. Организацию раскрыли и Мицкевичу было велено покинуть родные земли и отправиться в Петербург, где волею царя ему указано будет, как жить дальше. В конце 1824 г. Мицкевич покидает Вильню за «распространение неразумного национализма» - так говорилось в судебном приговоре. В Петербурге поэт провел два

месяца. Благодаря помощи Рылеева и Бестужева, Адама Мицкевича выслали в южные края, в Одессу, где он должен был работать учителем Ришельевского лицея (но он так и не получил этой должности). В Одессе он попадает в салон Каролины Собанской. Вместе с ней, генералом Виттом, с сыщиком А. Бошняком, а также Ржевуским и Собанским отправляются в Крым. Мицкевич находился под зорким наблюдением своих спутников.

Так, среди подлых людей в ссылке проводил время поэт в «благословенном краю». Впервые в жизни он путешествовал морем, впервые видел горы.

В 1826 г. появляются «Крымские сонеты» - поэтический конденсат этой поездки. Мицкевич посвящает его «спутникам путешествия по Крыму», а эпиграфом стали известные строки Гете: «Если хочешь знать поэта, ты в страну его последуй». Поэт таким образом искусно маскирует истинного адресата – Пушкина.

Благодаря блестящим переводам Вяземского, Козлова, Майкова и др. «Крымские сонеты» естественно и органично вошли в русскую литературу, даже в большей степени, чем в польскую.

Во время этой поездки посетил Мицкевич и Бахчисарай.

С конца ХУШ в. Крым (вследствии присоединения к России) начинает терять свой восточный колорит. Однако оставались еще небольшие оазисы Востока, одним из таких мест и был Бахчисарай.

Восточная тематика, связанная с Крымом, в творчестве русских и зарубежных художников своеобразно преломляется через Бахчисарай.

Владимир Измайлов, посетив Крым в конце ХШ в, писал: " «... явление Бахчисарая есть нечто нечаянное и приятное, горы скрывают его от взоров путешественника. Спускаешься в долину и удивляешься вдруг маленькому городку, который с белыми тонкими трубами, с остроугольными мечетями, с высоким ханским дворцом, с цветущими садами и пирамидальными раинами открывается подобно прекрасной игрушке, на самой узкой долине» [3, с.136].

В первой половине ХІХ века Бахчисарай считался главным городом Крыма. Именно здесь путешественник ожидал увидеть слияние мусульманского и христианского, восточного и западного, что в какой-то мере распространялось на восприятие всего Крыма.

Однако Бахчисарай - это не только мусульманский мир. Окрестности города наделяют его другой миссией. Чуфут-Кале (иудейская крепость) – столица караимов, а Успенский пещерный монастырь – центр православия в ханском Крыму. Мы получаем сложный конгломерат: Бахчисарай –город иудейский, православный и мусульманский одновременно.

«Есть и прямой топонимический отсыл – Иосафатова долина, кладбище караимов. Кладбище этого имени под стенами Иерусалима почитается как место, где начинается воскрешение мертвых. Иосафатова долина в верховой балке бахчисарайской речки уподобляет последнюю Кедрону и сообразует мизансцену двух городов между собой. Кедрон течет между чертой старого Иерусалима и Елеонской (масличной) горой. В Бахчисарае, следовательно, сам огражденный Иерусалим прообразован горной столицей караимов – ныне мертвым городом Чуфут-Кале, его стенами и воротами, пещерами и храмами на плато правого берега балки. Тогда плато левого берега прообразуют Елеон.

Отсюда, может быть, и посвящение Успенского монастыря, ископанного в этом берегу: соотносится с Успенской церковью на Елеоне, в Герсимании, - церковью Гроба Богоматери, откуда она была восхищена на небо» [9, с.167-170].

Тематически и символически с Бахчисараем связаны пять сонетов Адама Мицкевича.

Бахчисарай.

Бахчисарай ночью.

Гробница Потоцкой.

Могилы гарема.

Дорога над пропастью в Чуфут-кале.

Все эти сонеты носят подчеркнуто ориентальный стиль. Культурной жизни Польши, начиная еще с ХУІ в, была свойственна известная, «ориентальность»: турецкая угроза, опасность нашествия крымских татар, равно как и многие другие историко-политические и культурные факторы, поддерживали традиционный для Польши интерес к Востоку.

В литературе традиция соединения Востока и Запада восходит к поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

В сонете «Бахчисарай» Мицкевич обращается к истории Ханского дворца. В пояснении к сонету поэт пишет: «В долине, окруженный со всех сторон горами, лежит город Бахчисарай, некогда столица Гиреев, ханов крымских»[6, с.152].

Адам Мицкевич поэтическими образами передает точную атмосферу, царящую в Ханском дворце в начале ХІХ века: « гнездилище саранчи да змей», «окна галерей захватывает плющ», «безлюден пышный дом».

А.С. Грибоедов в «Путевых записках» 1825 года писал: «Хан-сарай полуразвалившийся».

Еще в 1920 году А.С. Пушкин застал дворец в плачевном состоянии. Поэт писал: «Вошедши во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище [8, с.371].

В том же году дворец посетил Муравьев-Апостол. Путешественник описывает состояние гарема: «Эта часть более всех в упадке. Разные домики, в коих некогда жертвы любви, или лучше сказать любострастия, томилась в неволе, представляют теперь печальную картину разрушения: обвалившиеся потолки, изломанные полы» [7, с.114].

В сонете Мицкевич сравнивает с тлением вечное – славу, власть, любовь (три блаженства, воспетые Пушкиным в «Татарской песне»). Но время диктует свои условия. «Как Валтарасов перст, он чертит надпись : « Тлей». Здесь поэт использует христианский библейский образ. Согласно преданию, во время пира последнего вавилонского царя Валтасара появилась таинственная рука, начертанная на стене предзнаменование о гибели царя. В сонете плющ «чертит надпись» - аллюзия библейского предания. Плющ – рука времени. Характерно то, что плющ становится символом забвения во многих поэтических творениях о Бахчисарае.

Исследователь Кушаков пишет: «Сонет Мицкевича «Бахчисарай» своим философическим и очень предметным вещным созерцанием следов неуловимой власти времени, обращающей некогда грозное, могучее и молодое в тлен, запустенье и печаль, был внутренне близок художественному видению и настроению автора поэмы «Бахчисарайский фонтан» [5, с.71].

Поэт вводит образ фонтана, который сохранился среди этого опустошения как живой символ скорби:

Не молкнет лишь фонтан в печальном запустенье -

Фонтан гаремных жен, свидетель лучших лет,

Он тихо слезы льет, оплакивая тленье.

Здесь четко видна параллель с поэмой Пушкина. Фонтан - символ не только дворца ханов и Бахчисарая, но и символ восточной культуры в русской поэзии.

Мицкевич в эпилоге сонета противопоставляет мимолетность человеческого тщеславия (власть, слава, любовь – как признание) бессмертию искусства:

О слава! Власть! Любовь! О торжество побед!

Вам суждены века, а мне – одно мгновение.

Но длятся дни мои, а вас - пропал и след.

Поэт пренебрегает в своем сознании настоящим: «заржавленную трубу», и полуразвалившийся гарем», «покосившуюся соколиную башню» он видит в цвете прошлой пышности и великолепии. Дворец для него – это «трон славы» и «храм любви». Сонет создает впечатление присутствия прошлого в настоящем.

Особенно восточен «Бахчисарай ночью». Это достигается путем введения мифологических персонажей и восточных терминов.

Как только заканчивается молитва, наступает время ночи - время сказки. А в восточном городе и ночь сказочная. Через олицетворение мира природы автор передает атмосферу восточной жизни, которая подчинена заповедям Корана.

Молитва кончена и опустел джамид

Вдали растаяла мелодия призыва.

Мицкевич дает пояснения: «Пять раз в день, в определенные часы, изан слышится со всех минаретов, и чистый и звучный голос муэззинов приятно разносится по городам мусульманским.» [6, с.153].

Небо расшито звездным гаремом, а между звезд выделяется белое облачко, которое поэт сравнивает с лебедем. Это аллегория: жены гарема – звезды, облако – лебедь – хан.

Небо – это отражение земной жизни. Поэт, как в зеркале, видит жизнь гарема, что в действительности видеть запрещено. Краски сгущаются и на смену гармоничного порядка и покоя приходит искрометное изменение. Сумерки способствуют появлению теней. (Тень же издавна считалась душой объекта). Мы попадаем в другой мир. Сумерки «зари вечерней» замешивают розовый свет на темно-серый.

Здесь – минарета тень, там- тень от кипариса,

Поодаль глыба скал уселись под горой,

Как будто дьяволы сошлись на суд Эвлиса.

Идет расширение горизонта повествования и на авансцену выходят глыбы скал. Поэтому в сумерках восточной ночи мерещатся герои восточной мифологии Эвлис или Иблис – это Люцифер у могометян, обобщенное воплощение сил Зла.

А с вершины гор мифическое божество посылает молнии, которые, пронзая тишину, летят в небо, в «безмолвие пустыни голубой».

Романтический сюжет крымских сонетов Мицкевича разворачивается в системе сгущения красок от вечера до ночи: «Зари вечерней луч порозовел стыдливо» - «под покрывалом тьмы».

Ночной город выплескивает из своей памяти образы злых духов, следствия жестокости крымских ханов.

Мицкевич создает миниатюрную восточную сказку.

Сонет «Гробница Потоцкой» - указывает на тематическую близость его к творчеству Пушкина. А Мицкевич знал и помнил стихи Пушкина. Поэт был захвачен пушкинской поэзией, воспевавшей горестную судьбу польской наложницы, погубленной ханской страстью. Подобно Пушкину, больше поверившему

народному преданию, чем превосходно написанному «Путешествию по Тавриде» Муравьева-Апостола, Мицкевич в пояснении к сонету пишет: «Недалеко от дворца ханов возвышается могила, устроенная в восточном вкусе, с крупным куполом. Есть в Крыму народное предание, что памятник этот был поставлен Керим-Гиреем невольнице, которую от страстно любил. Говорят, что эта невольница была полька из рода Потоцких. Автор прекрасно с эрудицией написанной книги «Путешествие по Тавриде» Муравьев-Апостол полагает, что предание неосновательно, и что могила хранит останки какой-то грузинки. Не знаем, на чем он основывает свое мнение, ибо утверждение его, что татарам в половине XVIII столетия нелегко было бы захватить невольницу из рода Потоцких, неубедительно. Известны последние волнения казаков на Украине, когда немалое число народа было уведено и продано соседним татарам. В Польше много шляхетских семейств, носящих фамилию Потоцких, и невольница могла и не принадлежать к знаменитому роду владельцев Умани, который был менее доступен для татар и казаков. На основании народного предания о бахчисарайской могиле русский поэт Александр Пушкин с присущим ему талантом написал поэму «Бахчисарайский фонтан» [6, с.153-154].

Мария в сонете Мицкевича подобна розе, увядшей в «сказочном саду». Она как экзотическое растение севера, не прижившееся в «краю весны». Роза погибла, но осталась память о ней в «звездах, засверкавших во мраке».

М. Рыльский отмечал: «сонет «Могила Потоцкой», в котором поэт связывает мысли о судьбе легендарной польки с мыслями о своей судьбе – это страстное выражение тоскующей любви по родной земле, родному языку, родной песне. Только воображение гениального поэта могло создать такой образ: «Звезды, пылающие на южной небе», - это слезы выложенные взором его соотечественницы и ведущие к отчизне, куда ей не было возврата, как не суждено было возвратиться на родину и поэту» [10, с.215].

Лирический герой сонета, поэт – изгнанник, предвидит, что в разлуке с родиной и он умрет в «чужой стране» в одиночестве и могиле, близкой к гробнице Потоцкой. И может быть, его прах будет не забыт, и о нем вспомнят:

И я родную речь услышу в полусне,
И, может быть, поэт придя к твоей могиле,
Заметит рядом холм и вспомнит обо мне.
Скорее всего, что «поэт» - это образ Пушкина.

Продолжает тему ханских невольниц Мицкевич и в сонете «Могила гарема».

В Бахчисарае поэт видел ханское кладбище. В пояснении к сонету Мицкевич писал: «В роскошном саду, среди стройных тополей и шелковичных деревьев, находятся беломраморные гробницы ханов и султанов, их жен и родственников; в двух расположенных поблизости зданиях свалены в беспорядке гробы; они были некогда богато обиты, ныне торчат голые доски и видны лоскутья материи» [6, с.154].

Сонет построен в форме монолога Мирзы, обращающегося к пилигриму. Мирза – это почетный титул у мусульман, выступает в данном случае проводником пилигрима (странника) по восточному миру. Это сквозные образы всего поэтического цикла. Они представляют собой две культуры, два разных мировоззрения, но у них один путь. Главное, они взаимодополняемы: паломник, жаждущий знания о новом для него мире, и проводник, дарящий путнику сокровища восточного края.

Мирза повествует о судьбе женщин гарема. Их жизнь была прервана: «срезал их в саду аллах». И спят они «в раковинах тьмы и вечности - в гробах». О загробной жизни Мирза умалчивает. Гяур (неверный) написал их имена для будущих поколений, но пелена забвения лежит на их могилах. Мирза называет их «светлые струи, где не ступал порок», и сравнивает их с райскими розами.

Покой забвенный нарушает пришелец (образ Мицкевича), который своей слезой растрогал сердце Мирзы.

Сонет «Могила гарема» выражает мысли, настроения, типичные для мусульманина и вырисованные свойственным Востоку поэтическим языком.

Сонет «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале» также написан в форме диалога Мирзы и Пилигрима и носит философский характер.

Для Мицкевича характерен вообще писательский интерес к Востоку, к восточной культуре. Особенность языка «Крымских сонетов» обусловлена его романтической направленностью. С.Д. Титаренко отмечает: «В «Крымских сонетах» Адама Мицкевича индивидуализм и свойственный романтикам ориентализм в восприятии природы, порождают особый тип отношения лирического «я» к миру природы. Экзотический русский Восток – Крым – или отчуждает от души поэта, устремлением к далекой родине, или дан как пейзаж души в ее ностальгических переживаниях. Прошедшее оценивает с точки зрения мгновения, переживаемого лирическим «я» поэта. Значение пейзажа экзотического Крыма у Мицкевича определяется задачей «постичь самого себя» [11, с.115-116].

Поэт наделяет своего героя романтической исключительностью: Мирза пускает его к могилам гарема, где не ступает нога неверного; жизнь лирического героя дольше вечных ценностей: славы, власти, любви.

Пространство поэтического образа Бахчисарая расширяется по возрастающей: фонтан, дворец, гробница, кладбище, мечеть и остается открытым образом дороги. Мицкевич не замыкает круг, а открывает вид на горную дорогу и через этот образ открывает свое мировоззрение.

По краям дороги пропасть: «тут бездна глубока!» Мирза советует путнику не глядеть в бездну, не искать пути разгадки мусульманского миропонимания. Познание это, как вмешательство в другую культуру, сравнимо с прыжком в бездну:

Вот прыгнул, не гляди! Во тьму потянет с кручи!
И мысли трепетной не шли в тот мрак дремучий.
Как якорь, мысль твоя стремглав пойдет ко дну,
Но дна не достигнет, и хаос довременный
Поглотит якорь твой и челн затягивает вслед.

Но пилигрим делает попытку посмотреть в пропасть, как в самую сущность восточной души. А описать словами увиденное и прочувствованное он не в силах и сохранит это познание до смерти:

А я глядел, Мирза! Но лишь гробам шепну,
Что различил мой взор сквозь трещину вселенной
На языке живых - и слов подобных нет.

Здесь легко угадывается стремление Мицкевича глубоко познать другую религию и мировоззрение. Он пытается сблизить параллель Запад-Восток в образах пилигрима и Мирзы, которые глубоко соприкасаются и, что главное, взаимодействуют на протяжении всего поэтического пути. Сама природа выступает как проводник по восточному краю.

Интересно отношение Мицкевича к этому магометанскому миру: он чужой для него, но не чуждый его сердцу; он в изгнании, но он ищет себя на чужбине.

Он открывает метафизику, обращаясь на обрывистой дороге к сверхъестественным силам, к Богу или Аллаху – не суть важно. Главное – это интуитивное понимание метафизической ауры, окутывающей «восток в миниатюре».

Поэт «схватывает» пространство Бахчисарая и этот образ восточного миниполиса в какой-то мере определяет и весь ориентализм цикла.

Адама Мицкевича, европейского человека, поразил необыкновенный колорит мусульманской жизни, которая естественно царил в городе и его окрестностях.

Поэт проникся восточными образами: минарет, чалма, гарем и умело запечатлел свои наблюдения в поэзии.

Мифопоэтика поэмы «Бахчисарайский фонтан» проникла и в сонеты польского поэта. Сонет «Гробница Потоцкой» - прямое тому доказательство.

Поэт описывает именно восточную, магометанскую специфику Бахчисарая, так как она была более ярко выражена и экзотична, а также отвечала романтическим вкусам того времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Вяземский П.А. Сонеты Мицкевича // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика – М.: Искусство, 1984. – С.65-71.
2. Голованов В. Геопоэтика Кеннета Уайта // Октябрь – 2002. – №4. – С.157-159.
3. Измайлов Н.В. Путешествие в полуденную Россию В.Л. Измайлова –М. 1805, ч.II-С.144.
4. Измайлов Н.В. Мицкевич в стихах Пушкина (к интерпретации стихотворения «В прохладе сладостных фонтанов») // Очерки творчества Пушкина. – М.: Наука, 1975. – С.125-174.
5. Кушаков А.В. Пушкин и А.Мицкевич // Кушаков А.В. Пушкин и Польша – Тула: Прион.кн. изд-во, 1978. – С. 67-81.
6. Мицкевич А. Крымские сонеты –Симферополь: Таврия, 1977. – 167 с.
7. Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. – Сп-б., 1823. – 331с.
8. Пушкин А.С. Отрывок из письма к Д. // Сочинения в 3-х т.-т3 – М.: Худ. лит., 1987. – С.371.
9. Рахматулин Р. Краевидение, или метафизическое краеведение. // Октябрь – 2002 – №4 – С.167-170.
10. Рыльский М. Поэзия А. Мицкевича // Рыльский. О поэзии – М.: Знамя, 1974. – С.215.
11. Титаренко С.Д. Живописная образность в «Крымских сонетах» Адама Мицкевича и «Киммерийских сумерках» М. Волошина // Пушкин и славянский мир : Крымские Пушкинские чтения. – Симферополь, 1995. – С.115.
12. Федотов О.И. Пилигримы у Чатырдага // Пилигримы Крыма – 97 – Симферополь: Крымский Архив, 1998 – С.66-68.
13. Шашал Х.С. Адам Мицкевич в гостях у караимов // Берега Тавриды. - 1996.- № 4/5.- С.170-178.

Аннотация:

«Крымские сонеты» Адама Мицкевича открывают яркую картину восточной жизни Крыма. Особенно ориентальны сонеты посвященные Бахчисараю.

Поэт воочию увидел там «восток в миниатюре».

Геопозитика Бахчисарая – это гармоничный синтез реальности и сказки, религии и природы, творчества и истории.